

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

И.Е. Андронов

Nostrī Saeculi Novatores:

межконфессиональная
полемика в западноевропейской
церковной историографии XVI в.

Центр гуманитарных инициатив
Москва–Санкт-Петербург
2019

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(0)4
А66

Серия MEDIAEVALIA
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН.
Основана в 2015 г.
Составитель и главный редактор А.К. Гладков

Рецензенты:

доктор исторических наук, проф. СПбГУ А.Ю. Прокопьев
доктор исторических наук, г.н.с. ИВИ РАН М.С. Бобкова
доктор исторических наук, проф. МГПУ Н.И. Девятайкина

Андронов И.Е.

А66 **Nostri Saeculi Novatores: межконфессиональная полемика в западноевропейской церковной историографии XVI в.** — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. — 464 с.— ил. — (MEDIAEVALIA).

ISBN 978-5-98712-844-2

Триденский собор, явившийся определяющим событием духовной жизни Европы XVI в., углубил идеологическое противостояние, способствовал консолидации не только католического, но и протестантского лагеря. Во второй половине столетия именно церковная историография стала одним из наиболее массовых жанров исторической литературы. Крупнейшим произведением этого периода является подготовленная группой историков-лютеран под руководством М. Флация «Церковная история», вскоре получившая другое название — «Магдебургские центурии». Данное сочинение стало уникальным в историографии XVI в. коллективным изысканием, первой документально ориентированной и научно разработанной реконструкцией многовековой христианской истории. Появление столь авторитетного труда ученых-протестантов побудило лучшие умы католического лагеря, в первую очередь кардинала Цезаря Барония, противопоставить не менее фундированное сочинение — «Церковные анналы». В итоге церковная историография XVI в. не только откликнулась на идеологические вызовы времени, но и интенсивно развивалась в русле активной межконфессиональной полемики.

Книга ориентирована на историков, филологов, религиоведов и культурологов, а также всех интересующихся историей историографией Западной Европы XVI в.

ISBN 978-5-98712-844-2

© Андронов И.Е., 2019
© Гладков А.К., составление серии, 2019
© Центр гуманитарных инициатив, оформление, 2019

Содержание

Введение. Церковная историография: это интересно	6
Глава I. О разнообразии жанров церковных историй	27
§ 1. Античное наследие в эпоху гуманизма. Беат Ренан	29
§ 2. Рождение концепции. С. Франк	48
§ 3. Историю Церкви — в массы. Х. Эгенольф	52
§ 4. Первая протестантская история Церкви: К. Хедио	69
§ 5. Новая Схоластика и новый метод	89
§ 6. Как он работает у католиков: Т. Кампеджи	105
Глава II. Новый уровень. «Магдебургские центурии»	121
§ 1. Рождение замысла	123
§ 2. О том, как сложно работать в коллективе	143
§ 3. «Каталог свидетелей истины»	167
§ 4. О чем расскажет паратекст?	189
§ 5. Историческая концепция «Центурий»	216
§ 6. Эволюция как стержень исторического процесса	247
§ 7. Что такое хорошо и что такое плохо. Некоторые оценки на страницах «Магдебургских центурий»	260
§ 8. Как новый метод работает у лютеран: случаи повышенной сложности	272
Глава III. Реакция католического лагеря в 1560–1588 гг.	303
§ 1. Великая спешка: 1560–1568 гг.	305
§ 2. Иезуиты против «Центурий»: 1570–1573 гг.	333
§ 3. Некоторые отдельные выступления	343
Глава IV. Грандиозное великолепие. «Церковные анналы» Ц. Барония	361
§ 1. О том, как один кардинал почти полвека писал одну книгу	363
§ 2. Паратекст «Церковных анналов»	374
§ 3. Концепция и метод	390
Заключение. Перед рассветом.	
Церковная историография и грядущая научная революция	408
Список сокращений	425
Библиография	428
Список иллюстраций	442
Указатель имен	443
Summary	456
Contents	462

Введение. Церковная историография: это интересно

Празднование 500-летней годовщины самого известного из выступлений Мартина Лютера показало, насколько глубоко его идеи и принципы укоренились в истории, насколько вся современная западная цивилизация впитала его тезисы в качестве основополагающих ценностей. Обнародованные Лютером в октябре 1517 г. 95 тезисов скоро оформились в виде учения, охватившего не только богословие в его «теоретическом» и «прикладном» вариантах, но и мировоззрение западноевропейца в целом, все без исключения отрасли гуманитарного знания и отношение человека к ним. Сложились новые моральные, этические, экономические установки; параллельно быстро развивалось богословие, обогащая новые ориентиры общефилософским базисом.

Под воздействием комплекса новых идей оказались все гуманитарные дисциплины, вскормленные Возрождением или им рожденные. Философы, литературоведы, искусствоведы, переводчики и представители множества других отраслей гуманитарного знания обсуждают влияние деятельности Лютера и его ближайших последователей на эволюцию их областей знания. Конечно, среди этих отраслей находилась и история, однако она — благодаря стечению закономерных и не очень обстоятельств — оказалась в привилегированном положении.

Авторы исторических сочинений не просто отстаивали свои взгляды на прошлое — они буквально сражались за истину своего мировоззрения. Противодействие умного, образованного, обладающего схожим общегуманитарным и профессиональным бэкграундом оппонента заставляло выискивать преимущества собственного образа мыслей, мобилизовать этические, моральные ресурсы. Ценой поражения для глубоко верующих авторов была геенна огненная, а собственные действия казались осененными лучами божественного света. Благодаря этим обстоятельствам дискуссии по вопросам истории Церкви обрели исключительный интеллектуальный накал, неизвестный другим отраслям гуманитарного знания XVI в. Полемика в целом отличалась интенсивностью, авторы стремились не просто превзойти соперника глубиной концепции и точностью аргументации, но и успеть раньше оппонента. Интенсивность полемики придаст ей мощный заряд энергии, и «по инерции» горячие споры будут фоном интеллектуальной жизни Западной Европы вплоть до конца XVIII в. Великая французская революция обеспечит некоторое снижение актуальности обсуж-

даемых в межконфессиональной дискуссии проблем: религиозность западного общества снизится, и предметом общественных споров станут проблемы либерализма и демократии вне конфессиональных «одежд». Тем не менее, два с половиной столетия с появления первых протестантских церковных историй до формирования нового политизированного общественного дискурса эпохи Революции были временем расцвета межконфессиональной дискуссии, которую не смогло заглушить даже хорошо изученное и широко известное европейское Просвещение. Настоящая книга посвящена первому периоду этой дискуссии от ее зарождения до появления первых великих трудов с обеих сторон, т.е. с 30-х гг. XVI до начала XVII в.

Попытка «приурочить» отправную точку исследования к празднуемому ныне юбилею наталкивается на простое, но непреодолимое возражение: выступления Лютера касались настоящего, а не прошлого; потребность обосновать свою критику действующих церковных порядков пришла позже. Об этом тоже будет рассказано в этой книге, как и о том, почему истории досталось больше внимания не Лютера, а его ближайших последователей. Лютер и его последователи поначалу не вполне осознавали глубину затрагиваемых ими проблем и желаемых ими перемен. Когда же конфликт распространился вширь и институционализировался в деятельности светских государей, когда стало ясно, что путь обратно невозможен, вот тогда история была привлечена для доказательства вневременных истин. В этой отрасли знаний долго царил относительное затишье: церковная история находилась на обочине интересов гуманистической науки, и отношение Рима к ней не способствовало концентрации кадров и ресурсов католической Церкви в этой области. В определенный момент конфликт католиков с последователями «лютеранской чумы», развивавшийся на базе взаимных обвинений, стал нуждаться в информационной подпитке: обосновать обвинения в адрес противника можно было только историческим материалом. Римская церковь веками аккумулировала знание внутри себя; идеологическая борьба против нее на новом этапе требовала нарушения этой сложившейся естественным путем «монополии». Для этого в лагере лютеран имелось все необходимое: распространение гуманистических идеалов в германских землях, рост количества университетов и престижности гуманитарного образования, успехи в богословии, а затем и во множестве связанных с ним дисциплин, наконец, небывалое развитие книгопечатания — все это открывало путь для реализации самых амбициозных, подчас и вовсе невероятных замыслов. Важную роль в подготовке европейской идейной среды к новаторским концепциям в церковной историографии сыграла историческая литература 30–40-х гг. XVI в. После некоторого упадка, вызванного политическими бурями (Крестьянской войной, событиями на турецком фронте, Итальянскими войнами), читающее общество западноевропейских стран обнаружило новый интерес к разнообразным жанрам историописания, и книжный рынок оказался быстро заполнен разнообразными «хрониками», «ан-

налами», «историями». Тридентский собор углубил идеологическое противостояние, способствовав консолидации не только католического, но и протестантского лагеря. Во второй половине XVI в. именно церковная историография стала одним из наиболее массовых жанров исторической литературы. За количеством последовало и качество: в различных сферах гуманитарного знания, в частности, получил распространение «локальный метод», несколько по-разному понимаемый по разные стороны идеологического «фронта».

Крупнейшим произведением этого периода является подготовленная группой историков-лютеран под руководством М. Флация «Церковная история»¹. Эта книга, вскоре получившая название «Магдебургских центурий», стала первым в историографии коллективным сочинением, первой реконструкцией многих веков христианской истории строго на основании документов; первым сочинением, авторы которого разрабатывали научные методы работы с источниками, свободные от давления идеологии. Предпринятые католической стороной ответные действия не сразу привели к нужному результату — заданные оппонентами профессиональные критерии были на первых порах недостижимы. С течением времени, однако, католической стороне удалось вывести свою историографию на требуемый уровень: лучшие работы конца XVI в. это убедительно демонстрируют. Историко-церковные дебаты следующего столетия отличались исключительно высоким профессиональным уровнем; утратив в определенном смысле идеологическую актуальность, они приобрели в профессионализме. Труды множества протестантских и католических историков обеспечили этой отрасли историографии дальнейшее мощное развитие, увенчавшееся такими выдающимися достижениями, как вышедшие не одно столетие болландистские «Деяния святых» (*Acta Sanctorum*), а также труды бенедиктинцев Б. де Монфокона и особенно Ж. Мабильона.

По ряду причин эта линия развития историографии до сих пор не получила комплексного рассмотрения. Существующие комплексные работы либо носят слишком общий характер, либо не выделяют церковную историографию в отдельную дисциплину, следовательно, не видят основополагающей роли межконфессионального диспута в эволюции историописания. Наконец, имеющиеся основательные исследования, сконцентрированные на церковной историографии, придерживаются только одной стороны конфликта. Соображения конфессиональной предвзятости или, напротив, нежелание забираться в домен своих научных оппо-

¹ *Ecclesiastica Historia, integram ecclesiae Christi ideam quantum ad locum, propagationem, persecutionem, tranquillitatem, doctrinam, haereses, ceremonias, gubernationem, schismata, synodos, personas, miracula, martyria, religiones extra ecclesiam et statum Imperii politicum attinet, secundum singulas Centurias, perspicuo ordine complectens: singulari diligentia et fide ex vetustissimis et optimis historicis, patribus et aliis scriptoribus congesta per aliquot studiosos et pios viros in urbe Magdeburgica. 13 vv. Basileae, Oporinus, 1559–1574* (далее — ЕН).

нентов не позволяли и не позволяют до сих пор ведущим специалистам по историографии провести комплексный анализ, сопоставить достижения протестантских (в XVI в. — преимущественно лютеранских) и католических историков, реконструировать ход межконфессиональной полемики. Отдельные, даже очень качественные исследования методологии истории XVI в. не способны восполнить потребность в более комплексном подходе. В дореволюционной российской историографии эта тема почти не получила внимания специалистов; советские историки также обходили молчанием темы, связанные с прогрессивной ролью церковного знания в раннее Новое время. Современные отечественные церковные историки сосредоточили свои усилия в основном на ранних веках христианской истории, на средневековой философии или на судьбах Православия. Между тем тема межконфессионального диспута и его роли в развитии западноевропейской церковной историографии имеет важнейшее значение и вне религиозного контекста: церковная историография с конца XVI по конец XVII в. в профессиональном смысле достигает уровня лучших произведений светской науки.

Какие работы мы включим в орбиту нашего исследования? Какой критерий даст нам шанс создать цельную, но не перегруженную деталями картину межконфессионального спора в церковной историографии? Из чего мы будем строить цельную картину диспута между западноевропейскими церковными историками XVI в.? Главная наша цель — это историческая мысль Западной Европы в области истории христианской Церкви, развивавшаяся в контексте конфликта между лютеранской и католической церковной идеологией в XVI в. Предметом исследования являются труды по истории Церкви множества авторов — сочинителей популярной литературы, публикаторов-гуманистов, философов и мыслителей, затем — лютеранских и католических церковных историков. Из всех сочинений по истории Церкви XVI в. отобраны те, в которых содержится целостная концепция, охватывающая всю христианскую эру, либо те, которые сыграли важную роль в межконфессиональной полемике. Кроме того, в орбиту работы включены актуальные в XVI в. сочинения о методах гуманитарных наук (Кано, Флаций), характеризующие межконфессиональную дискуссию публицистические сочинения, памфлеты, а также переписка историков и черновики некоторых их сочинений.

Обилие сочинений по церковной тематике неизбежно накладывает ограничения на исследуемый материал. Например, в нем не рассматриваются работы таких историков, как Иоганн Слейдан (1506–1556) и Карло Сигонио (1524–1584). Исторические труды Слейдана посвящены в основном светским сюжетам и разработке традиционной периодизационной схемы всемирной истории²; произведения Сигонио

² [Sleidanus J.] De quatuor summis imperiis libri tres. Argentorati, Rihelios, 1556. Следует сделать важную оговорку: работы Слейдана порой цитировались протестантскими историками в качестве источника тех или иных фактов; никакой концептуальной преемственности или тематической зависимости не отмечено.

по церковной истории были изданы лишь в XVIII в. и на судьбе европейской историографии в целом не сказались, а в момент создания не отличались оригинальностью на фоне других, новаторских работ³. Центр тяжести исследования неизбежно оказывается в пределах германского мира: в конкретной ситуации начала Реформации и расцвета книгопечатания в Северной Европе, ликвидации или значительного облегчения там религиозной цензуры на определенное время немецкоязычные земли становятся полем наиболее интенсивной историко-церковной дискуссии. Это явление будет относительно недолгим: после Тридентского собора и последовавшего массового вступления в дискуссию историков католического направления границы диспута расширятся до пределов всей Западной Европы. Преодолению национальных рамок будет способствовать и тот факт, что подавляющее большинство сочинений создавалось на латинском языке, и национальная принадлежность авторов (в отличие от конфессиональной) имела, безусловно, второстепенное значение.

В этой связи необходимо с самого начала обговорить использование некоторых терминов и понятийных категорий. Многозначность термина «историография» требует уточнить: в настоящей работе под ним понимается эволюция исторического знания, выраженная в текстах сочинений ученых мужей и публицистов⁴ (в данном случае — применительно к истории христианской Церкви в целом и к XVI в.). Термин «историописание», набирающий силу в современной науке, также вполне возможен. В контексте нашей проблематики он очень близок термину «историография»; важнейшее различие между ними — представление о принадлежности «историографии» в ее современном понимании к «науке», а «историописания» — ко всей совокупности практик, имеющих своим объектом прошлое человечества. Коль скоро целью нашей работы, в частности, будет описание элементов научного знания, проникающего в написанные в XVI в. труды по истории

³ См. подробнее: *McQuaig W. Carlo Sigonio: The Changing World of the Late Renaissance*. Princeton; New Jersey, 1989.

⁴ Подробно об этом говорила в своем докладе на конференции в Институте всеобщей истории РАН М.С. Бобкова (*Бобкова М.С. Доклад «Понятие «историописание» в трудах М.А. Барга и современная история исторического знания»*. Конференция «Идея истории. Актуальные проблемы исторического познания», 20 мая 2015 г.). Историк выделяет три основных значения этого термина: «процесс составления исторического сочинения, литературная история той или иной научной проблемы, история исторического знания». Многозначность способна привести к немалой путанице, поэтому М.С. Бобкова предлагает шире использовать термин «историописание» для обозначения совокупности как научной исторической литературы, так и сочинений о прошлом, написанных до того времени, когда история окончательно конституировалась в научную дисциплину, и в том числе — «текстов вне-, до- и ненаучного характера». Это толкование термина основывается на изучении трудов ряда ведущих ученых, в том числе — М.А. Барга.

Церкви, различие между двумя терминами в значительной степени утратит практический смысл, а их противопоставление в последующем анализе может вызвать путаницу. По этой причине мы пользуемся по преимуществу термином «историография». «Историография» (и частный случай «историография Церкви») в нашей работе понимается как совокупность трудов о прошлом, а также как процесс эволюции концепций исторических сочинений, исследовательской техники, теоретических представлений о работе с источниками и о законах экспозиции.

Историография Церкви или церковная историография? Применительно к раннесредневековой исторической мысли различие между двумя понятиями было очень важным. Установившаяся после появления трудов Евсевия Кесарийского и Павла Орозия традиция отводила Церкви особую роль в истории в целом, и сочинения по истории отдельных народов рассматривали различные сюжеты сквозь призму торжества христианства и величия королей-праведников. Ярким примером может служить «Церковная история народа англов» Беда Достопочтенного; даже сочинение Григория Турского в одной из древнейших рукописей было озаглавлено как «Церковная история франков», и в этом не было ничего удивительного или странного⁵.

К XVI в. картина значительно изменилась. Сформировалась и окрепла светская историографическая традиция, внутри которой зародились новые рационалистические методы и направления. Понятие «история» значительно расширило свое семантическое поле, и прилагательное «церковная» (*ecclesiastica*) больше воспринималось как уточняющее к существительному *historia*: об этом свидетельствуют хотя бы названия многих из сочинений, анализируемых в рамках данной работы. Вслед за авторами наших источников мы различаем общее понятие «церковная история (историография)» и частное «история (историография) Церкви», причем в последнем случае мы имеем в виду Церковь как институт, а не как сообщество всех верующих христиан или как доктрину. «Церковная история» может относиться к различным сюжетам в рамках прошлого христианского народа или города, в то время как «история Церкви» по определению посвящена именно ей. Впрочем, в сочинениях с глобализующим сюжетом, вроде «Магдебургских центурий» (их официальное название начиналось со слов *Historia Ecclesiastica*) или «Церковных анналов» (*Annales Ecclesiastici*), «церковная история» в заголовке полностью сливалась с понятием истории христианской Церкви в самом общем смысле.

Определяя объект и предмет сочинения, необходимо сказать несколько слов насчет ренессансной историографии. Эта отрасль гума-

⁵ Подробнее см.: Савукова В.Д. Григорий Турский и его сочинение // Григорий Турский. История франков. М., 1987. С. 330–331.

нитарной деятельности в исследуемую нами эпоху имеет много точек соприкосновения с церковной историографией, и провести четкое различие порой оказывается затруднительно. «Генетическая» связь западноевропейской церковной историографии XVI в. с гуманизмом не подлежит сомнению. Интеллектуальное формирование западных церковных историков просиходило в гуманистической среде; с раннего детства, чаще всего еще до вступления на церковную стезю, молодой человек впитывал интерес к словесности, к древностям и древним языкам, усваивал проблематику самых популярных исторических, философских и политических сочинений своего времени. Тем не менее, церковная историография представляет собой весьма специфическую область, отделенную от традиционных интересов ренессансных историков — историй правящих династий или городов, войн и ряда других тем. Некоторые ренессансные историки (фон Гуттен, Платина, Сигонио и другие) занимались и церковными сюжетами, однако созданные ими тексты не охватывали широкую проблематику (даже в тех случаях, когда они включали в себя события различных эпох или описывали длительные процессы), не основывались на анализе новых источников. Наконец, сочинения этих авторов по разным причинам оказались вне межконфессиональной дискуссии — не были направлены против концепции идеологического противника, не нацеливались автором на то, чтобы превзойти труды оппонентов в качественном отношении, а после выхода не подвергались критике со стороны противоположной стороны. Это позволяет нам, признавая глубокую идейную связь церковной историографии XVI в. с гуманизмом, сосредоточиться на межконфессиональной полемике, уделив достижениям гуманистической мысли необходимый минимум внимания.

В данной работе рассмотрены некоторые сочинения (хронологически относящиеся к началу межконфессиональной полемики), соответствующие ряду критериев историографии Возрождения. Их было решено включить в круг рассматриваемых источников для того, чтобы более полно охарактеризовать ситуацию, сложившуюся в западноевропейском историописании к началу межконфессиональной полемики. По мере нарастания вызванного этой полемикой всплеска интереса европейской читающей публики к церковно-историческим сюжетам отход от ренессансной традиции становится постепенно все более очевидным. Одна из задач нашего исследования состоит в том, чтобы показать, в чем заключается данный отход, в чем своеобразие области церковной историографии и в чем лучшие из рассматриваемых в настоящей работе церковно-исторических сочинений стали шагом вперед не только в сфере изучения истории христианской Церкви, но и в более широком смысле в общей эволюции взглядов на историю.

По схожим причинам мы не будем специально исследовать исторические взгляды Мартина Лютера. Отдавая должное значению его критики Церкви, мы считаем, что эта критика, имея под собой историческую основу, не была связана с написанием исторических сочинений

в собственном смысле слова (с корпусом исследованных «из первых рук» источников, с полным и не имеющим лакун охватом всех христианских эпох, с разнообразной комплексной проблематикой). Мартин Лютер излагал в основном свои исторические взгляды в предисловиях к сочинениям других авторов (Роберта Барнса, Себастьяна Франка и некоторых других). Несмотря на то, что эти лютеровские тексты содержат ряд важных положений, они не представляют собой детального изложения концепции и не сыграли значимой роли в межконфессиональной полемике в историографии. В то же время исторические взгляды Лютера получили комплексное выражение в «Магдебургских центуриях», подробно нами проанализированных, а также в «Хронике Кариона» и некоторых других рассмотренных нами крупных церковно-исторических сочинениях.

В современной историографии раннего Нового времени особую актуальность приобрело изучение книжной культуры. Специальные исследования посвящаются проблемам написания и циркуляции книг, книгопроизводства, связанных с этим технологий, а также неизбежного влияния форм существования текста на их содержание. Заметный толчок подобным исследованиям в российской науке дало издание перевода ряда сочинений Роже Шартье⁶.

Методология историографического исследования дополнена в настоящей работе особым вниманием к элементам печатного текста, находящимся за рамками «основного» и получившим в современной науке название «паратекст». Паратекст включает в себя разного рода предисловия, посвятельные письма, обращения к читателю, оформленные титульные листы, приветственные стихотворения и эпиграммы, публиковавшиеся внутри книг рецензии на них, а также указатели, индексы, справочные материалы — одним словом, все то, что не относится к собственно тексту, заявленному в названии книги. Основополагающим в этом направлении исследований, быстро приобретшем междисциплинарный характер, был труд Жерара Женетта⁷. К сожалению, эта книга еще не переведена на русский язык; специальные исторические работы, посвященные функциям и формам паратекста в изданиях Раннего Нового времени, также пока отсутствуют.

Ж. Женетт исследовал в основном произведения художественной литературы, однако его выводы оказались действительными и для других видов текстов. Он, в частности, отметил, что любой текст определяется как «более или менее длинная череда более или менее наполненных смыслом вербальных высказываний»⁸, однако крайне редко предстает перед исследователем в таком виде без вербальных или невербальных дополнений — имени автора, заголовка, предисловия, ил-

⁶ Шартье Р. Письменная культура и общество. М., 2006.

⁷ Genette G. Seuils. P., 1987; *Idem*. Paratexte. Das Buch vom Beiwerk des Buches. Frankfurt am Main, 1989.

⁸ Genette G. Paratexte... S. 9.

люстраций и так далее. Эти дополнения, удачно обозначенные ученым термином «паратекст», составляют особый, очень ценный предмет изучения. В своей книге Женетт попытался дать классификацию элементов паратекста, предложил несколько способов его классификации (в частности, по времени создания относительно основного содержания книги — «перитекст» и «эпитекст»). Исследование Женетта не носит диахронического характера — «история паратекста» еще должна быть написана. Тем не менее, широкий кругозор автора побуждает его читателей к изучению не только очевидных элементов паратекста (указаний авторства, предисловий, титульных листов, посвящений, оглавлений, указателей, примечаний и др.), но и разного рода интервью авторов и их выступлений после выхода книги в свет, переписку, более поздние авторские комментарии и многое другое.

Развернутая классификация, предложенная Женеттом, не была в полной мере востребована в данной работе, поскольку специфика сочинения по историографии способствует, по крайней мере, на современном этапе, концентрации на элементах, сопровождающих первую публикацию текста или предшествующих ей. В этой связи теоретический интерес представляет дискуссия, развернутая Флацием и его противниками еще до выхода в свет «Магдебургских центурий». Как выяснилось в ходе нашей работы, паратекст церковно-исторических сочинений может дать исследователю новые, не доступные ему при иных подходах материалы для размышлений и обобщений.

Основное внимание в диссертации уделено текстам церковных историков. По этой причине за рамками работы остаются интересные и плодотворные сюжеты, связанные с конфессионализацией Европы в XVI и в начале XVII столетий. Эти сюжеты заслуживают отдельных глубоких изысканий, расширения методологии и коренного изменения ракурса исследования, что вряд ли возможно в рамках работы по историографии.

Несколько слов об источниковой базе данного исследования. Очевидно, оно опирается на сочинения церковных историков. Из обилия сочинений по церковной истории были отобраны тексты «первой величины» — «Магдебургские центурии» и «Церковные анналы» Цезаря Барония. Эти крупнейшие труды стали важнейшими вехами в становлении церковной историографии и обогащении исторического знания в целом.

«Магдебургские центурии» выходили в 1559–1574 гг. Первые три центурии (тома) вышли одним изданием в 1559 г., а затем несколько раз переиздавались. Эти три тома были также выпущены отдельно в 1560, 1562 и 1564 гг.; очевидно, инициированное издателем Иоганном Опоорином переиздание свидетельствовало о коммерческом успехе проекта на первом этапе. Четвертый том вышел в 1560 г., пятый и шестой — в 1562 г., седьмой и восьмой — в 1564 г., девятый — в 1565 г., десятый и одиннадцатый — в 1567 г., двенадцатый — в 1569 г., последний из опубликованных тринадцатый — в 1574 г. Названия этих томов

в деталях немного отличались друг от друга; отличались и их названия в переизданиях. Во избежание путаницы мы именуем тома по первому изданию первого тома, а тексты — по первым вариантам (некоторые отличия в версиях имеются, но они не носят важного для нашего исследования значения). В заглавии первых четырех томов стояло указание на то, что они были написаны «некоторыми благочестивыми мужами в Магдебурге». Пятый том был написан «частью в городе Магдебурге, частью в Йенской Академии». О шестом говорится, что он был написан «в изгнании», тома с восьмого по тринадцатый — «в городе Висмаре» (там находился штаб «Центурий» после многочисленных превратностей и отхода Флация от активной работы над проектом). Относительно седьмого тома никаких указаний нет. Качество печати (и текста с точки зрения грамматики и стиля) было самым высоким в первых четырех томах, а самым плохим — в 10 и 11 центурии. Параллельно в Йене были выпущены первые тома на немецком языке, однако проект оказался нерентабельным и в 1565 г. был оставлен. В 1624 г. в Базеле было подготовлено переиздание первых девяти центурий (в двух томах), однако это издание также не снискало большой популярности. В 1757–1775 гг. в 4 томах (по 2 книги) было выпущено заново отредактированное и снабженное дополнениями издание первых томов; идея принадлежала видным деятелям немецкого Просвещения Якобу Баумгартену и Иоганну Саломону Землеру. Наконец, имеется и оцифрованная версия текста, подготовленная в рамках цифровой Библиотеки Германских исторических памятников. Историки отмечали некоторые недостатки этого издания, которые в рамках нашего исследования представляются совершенно незначительными.

Поле церковной историографии первой половины XVI в., а также времени между первыми «Центуриями» и выходом «Церковных annales» Цезаря Барония является «terra incognita» в отечественной историографии, включая церковную; в европейской науке оно также изучено крайне слабо. В определенный момент перед нами встала задача поиска текстов по церковной истории, а затем — отбора их для формирования репрезентативной картины. Для исследования были привлечены несколько десятков работ как церковных историков в полном смысле слова, так и авторов, широко включавших церковно-исторический материал в свои произведения. Главным критерием было наличие концепции и общественный резонанс работы. Более того, важным было использование более поздними историками трудов более ранних в качестве предшественников: это позволяло установить отношения научной преемственности, а также проследить в некоторых случаях развитие дискуссии не только в целом, но и по более частным вопросам церковной истории. В коллекциях библиотек Москвы (Музей книги РГБ), Петербурга (коллекции РНБ и БАН), Флоренции (Центральная национальная библиотека), Рима (Центральная национальная библиотека), Вольфенбюттеля (Библиотека герцога Августа) были изучены труды Беата Ренана, К. Хедио, Х. Эгенольфа, С. Франка, Ф. Меланх-

тона, М. Флация, М. Бухингера, К. Брауна, В. Айзенграйна, П. Канизия, Ф. Торреса, О. Панвиния и Ц. Барония, а также ряда историков меньшего масштаба. Если те или иные работы авторов (в основном — представителей германского гуманизма) имелись в ряде переизданий, то для анализа текста из них выбирались последние прижизненные издания. Некоторые исключения (например, относительно отдельных сочинений Беата Ренана) оговариваются в тексте работы особо. Работы католических историков от К. Брауна до О. Панвиния оказались весьма труднодоступными, поскольку издавались единожды небольшим тиражом. Тем не менее, их удалось найти, во многом благодаря прекрасному состоянию библиотек Италии и особенно Германии.

Уже в ходе работы выяснилось, что для понимания механизма межконфессиональной дискуссии XVI в. необходимо изучить «Магдебургские центурии» не только в качестве вышедшего в печати текста, но и как исследовательский проект и иллюстрацию функционирования книгоиздательского рынка. В этой связи корпус источников пришлось расширить, что не представляло трудности благодаря накопленным результатам работы ряда немецких и австрийских ученых. Пионером в деле публикации источников выступил Иоганн Вильгельм Шульте, подготовивший в 1877 г. к изданию переписку идеологов «Магдебургских центурий» Флация, Ланге и Нидбрука друг к другу и несколько других документов⁹. Интерес к теме возник случайно: в те годы в немецкой научной периодике активно обсуждался вопрос о некоторых раннесредневековых саксонских документах, историческая ценность которых была поставлена под сомнение. Тот факт, что их цитировал в своих произведениях Матиас Флаций, добавила им научного веса; историки заинтересовались техникой поиска и отбора документов для «Магдебургских центурий». И.В. Шульте обнаружил ряд ранее неизвестных документов в венских архивах — они попали туда вместе с другим наследием рано ушедшего из жизни дипломата Каспара Нидбрука. Большинство попавших в публикацию писем представлены в полнотекстовом режиме, некоторые — в пересказе. Именно ею в качестве одного из источников пользовался проф. А.П. Лебедев при написании главы своей работы, посвященной «Магдебургским центуриям»¹⁰.

Сюжет получил развитие в работах венского исследователя Виктора Библа¹¹. Его подборка была составлена на более систематической основе. Изданная переписка Флация и Нидбрука охватывала 1552–1557 гг.

⁹ *Schulte J.W.* Beiträge zur Entstehungsgeschichte des Magdeburger Centurien // Bericht der Philomathie in Neisse. 1874–1877. Bd. 19. S. 50–154, 224–229.

¹⁰ *Лебедев А.П.* Церковная историография в главных ее представителях с IV до XX в. СПб., 2001 (3-е изд.).

¹¹ *Bibl V.* Der Briefwechsel zwischen Flacius und Nidbruck // Jahrbuch der Gesellschaft für die Geschichte des Protestantismus in Österreich. Wien. 1896. Bd. XVII. S. 1–24; 1897. Bd. XVIII. S. 201–238; 1898. Bd. XIX. S. 96–110; 1899. Bd. XX. S. 83–116; *Idem.* Nidbruck und Tanner. Ein Beitrag zur Entstehungsgeschichte der Magdeburger Centurien und zur Charakteristik König Maximilians II. Wien, 1898.

и включала в себя 41 письмо. Кроме того, Библ попытался создать только на основе писем картину работы над «Центуриями», и полученный результат и поныне имеет большое научное значение. Параллельно этой работе была издана также переписка Нидбрука с венским профессором древнегреческого языка Георгом Таннером, освещавшая некоторые аспекты работы над проектом «Центурий».

Одновременно с Библом над темой работал прусский учитель истории Эрнст Шаумкелль. Выходец из Мекленбурга, Шаумкелль учился в Лейпциге и Тюбингене, однако закончил Ростокский университет. В середине 90-х гг. он приступил к сбору источников в венских архивах, а также в хранилищах Регенсбурга, Мюнхена и ряда других германских городов. Особой заслугой его стало обращение к материалам северных городов Веймара и Шверина, благодаря которым он сумел осветить последний этап работы над «Центуриями». Осуществленная им публикация¹², в которой он ограничился в основном пересказом своими словами найденных источников, планировалась как анонс готовившейся к изданию в ближайшем будущем книги об источниках и методах работы «Магдебургских центурий». К сожалению, этот план так и не был реализован; мы не знаем о причинах такого решения, однако известно, что Э. Шаумкелль в дальнейшем опубликовал несколько менее масштабных монографических исследований на богословские темы, стал автором общей работы о немецкой «культурной историографии» и выступал в различных научных дискуссиях. К «Центуриям» он более не возвращался.

Традиция публикации источников, касавшихся метода и техники работы над «Магдебургскими центуриями», получила развитие и в дальнейшем¹³. Для Карла Шоттенлоэра эта работа стала началом глубокого интереса к книжной истории XVI в.; долгие годы впоследствии он разрабатывал эту проблематику и выступил с рядом блестящих монографий¹⁴. После публикации 1969 г. это направление работы было на долгие годы свернуто; его возобновил в начале 2010-х гг. работавший в Библиотеке герцога Августа (Вольфенбюттель) Харальд Болбук, который в соавторстве с К. Нарендорфом и И.-Х. Ралле подготовил в 2012 г. очень обшир-

¹² *Schaumkell E.* Beitrag zur Entstehungsgeschichte der Magdeburger Centurien. Ludwigslust, 1898.

¹³ *Schottenloher K.* Handschriftensätze zu Regensburg im Dienste der Zenturiatoren (1554–1562) // Zentralblatt für Bibliothekswesen. 1917. Bd. XXXIV. S. 67–82; *Strecker K.* Quellen des Flacius Illyricus // Zeitschrift für deutsches Altertum und Deutsche Literatur. 1929. Bd. 66. Hf. 1. S. 65–67; *Duch A.* Eine verlorene Handschrift der Schriften Bernos von Reichenau in den Magdeburger Centurien // Zeitschrift für Kirchengeschichte. 1934. Bd. LIII. S. 417–435; *Steinmann M.* Aus dem Briefwechsel des Basler Buchdruckers Johannes Oporinus // Basler Zeitschrift für Geschichte und Altertumskunde. 1969. Bd. 69. S. 103–203.

¹⁴ *Schottenloher K.* Buchdrucker als neuer Berufsstand des fünfzehnten und sechzehnten Jahrhunderts. Mainz, 1935; *Das alte Buch.* B., 1921; Die Widmungsvorrede im Buch des 16. Jahrhunderts. Aschendorf, Münster, 1953; *Flugblatt und Zeitung.* Ein Wegweiser durch das gedruckte Tagesschrifttum. Klinkhardt und Bierman. München, 1985. Bd. 1–2.

ную электронную публикацию документов¹⁵. В нее вошли 154 документа 1552–1568 гг., изданные как факсимиле и расшифрованные для удобства исследования. Среди них — не только переписка, но и экспертные заключения, инструкции для членов авторского коллектива, расписки в получении книг, разного рода свидетельства и проч. Эта публикация, ее достижения и новые перспективы исследования были освещены в семинаре ИВИ РАН «Люди и тексты» (руководитель М.С. Бобкова) в декабре 2013 г. на заседании «Протестантская интеллектуальная среда в переписке авторов и издателей «Магдебургских центурий»¹⁶.

По мере того как значение «Магдебургских центурий» вырисовывалось как определяющее, возникла потребность в изучении не только сопровождавших работу их авторов документов, но и других сочинений руководителя этого проекта Матиаса Флация Иллирика. Библиография его трудов насчитывает более сотни текстов; точное количество написанных им книг, памфлетов, брошюр, речей и т.д. до сих пор не подсчитано. Некоторые его сочинения напрямую свидетельствуют о разработке исторической концепции (в особенности «Каталог свидетелей истины») и о сопровождавшей работу острой полемике вокруг проекта. Не все эти работы носят характер исторических исследований и могут быть отнесены к жанру историографии, однако их важность для реконструкции хода работы, некоторых важных характеристик мира исторической науки не подлежит никакому сомнению.

При подборе источников соображения «новаторства» того или иного автора играли второстепенную роль. Конечно, текст, подвергшийся наиболее тщательному исследованию («Магдебургские центурии»), занял центральное место в работе благодаря новаторству его авторов в самых различных аспектах — от глобальной концепции, количества источников до организации труда и оригинального метода экспозиции. В то же время представилось важным осветить также работы, имевшие наибольшее прямое воздействие на читательские массы — пользовавшиеся популярностью, неоднократно переиздаваемые тексты, не содержавшие каких-либо откровений, однако четко формулирующие наиболее широко распространенные представления о церковной истории. Это относится в первую очередь к работам Х. Эгенольфа, В. Айзенграйна и некоторых других авторов. Обработанная Меланхтоном «Хроника Кариона» имеет в данной работе второстепенное значение, поскольку она носила явно вторичный характер по отношению к текстам, появившимся в печати немногим ранее.

При проведении настоящего исследования автору постоянно приходилось ходить вдоль тонкой (и не всегда различимой) грани, отделяющей церковную историю от ряда смежных богословских дисциплин. Мы сознательно избегали как необходимости высказываться по богословским вопросам, так и определения «правых» и «виноватых»

¹⁵ URL: <http://diglib.hab.de/wdb.php?dir=edoc/ed000086> (дата обращения: 15.03.2017).

¹⁶ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mEhSvrVCImS> (дата обращения: 15.03.2017).

в межконфессиональной полемике: в совокупности различных своих составляющих она должна изучаться специалистами по истории религии. Тем не менее, тексты богословского характера пришлось взять в работу в тех случаях, когда они претендовали на «историчность» аргументации, направленной против чисто исторических тезисов идеологического противника. Это относится, например, к таким авторам, как Томмазо Кампеджи, Петр Канизий и Франциск Торрес. Тексты одного из крупнейших представителей Второй схоластики Мельчора Кано были привлечены в качестве источника, характеризующего т.н. «локальный метод». Этот метод лег в основу историко-церковного диспута и использованный как католической, так и лютеранской партией. Работы Томмазо Кампеджи стали иллюстрацией применения этого метода «в чистом виде», без aberrаций, вызванных «Центуриями» и методологическими достижениями оппонентов-лютеран.

Цитирование книг и других печатных изданий XVI в. имеет ряд особенностей. Главным отличием печатного текста той эпохи от нынешних является наличие под одной обложкой нескольких систем пагинации или частичное (иногда — даже полное) ее отсутствие. Страницы предисловий, введений, посвятительных писем могут быть пронумерованы греческими буквами, комбинацией из букв и цифр, специальными символами (необходимыми не для ссылок на текст, а для удобства переплетчика, часто не владевшего языком книги и не имевшего возможности другим способом сложить страницы по порядку). Часто в паратексте (или лишь в части его) пагинация отсутствует вообще; в тексте нумерация страниц может быть заменена на нумерацию колонок (в частности, в «Магдебургских центуриях» и в майнцком издании «Церковных анналов»). Во всех этих случаях мы при оформлении сносок пользуемся той системой, которую нам предлагает источник: при наличии необычной для нас пагинации мы воспроизводим ее, при отсутствии ставим значок *n. n.* (*non numeratae*), при нумерации листов — указания на сторону листа *r* (*recto*) или *v* (*verso*). Полное отсутствие пагинации, как правило, наблюдается в текстах совсем небольшого объема и лишь незначительно затрудняет ориентирование в тексте источника.

Обилие сносок на основные источники — «Магдебургские центурии» и «Церковные анналы» — требует от нас введения специальных обозначений. Знаком *EH* в сносках мы обозначаем «Магдебургские центурии» (далее том, причем первый делится на две части — 1.1 и 1.2, а за ним — колонка текста), а знаком *AER*, *AEM* и *AET* — соответственно первое, последнее прижизненное и самое последнее издания «Церковных анналов»¹⁷. Большая часть сносок на «Анналы» сделаны по по-

¹⁷ [AER] [*Baronii C.*] *Annales Ecclesiastici*. Romae, 1588–1607 (12 vv.); [AEM] *Annales ecclesiastici auctore Caesare Baronio sorano ex Congregatione Oratorii S.R.E. Presbytero... Moguntiae*, 1601–1608 (12 vv.); [AET] *Caesaris S.R.E. Card. Baronii, Od. Raynaldi et Jac. Laderchii Congregationis Oratorii Presbyterorum Annales ecclesiastici denuo excusi et ad nostra usque tempora perducti ab Augustino Theiner*. Parisiis; Bruxellis, 1864–1883 (37 vv.).

следнему прижизненному (майнцскому) изданию (АЕМ). 1–9 тома его были опубликованы в 1601 г., 10 — в 1603 г., 11 — в 1606 г., и лишь 12 том — после смерти автора, в 1608 г.

Помимо сочинений историков, были привлечены также тексты других жанров. Прежде всего, это памфлеты и другая полемическая литература, воссоздающая процесс работы над «Магдебургскими центуриями», конфликт между идеологами этого труда Меланхтоном и Флацием Иллириком. Эмоциональные и хлесткие, написанные замечательной латынью тексты сопровождали и выход крупных сочинений; некоторые из них сопровождали выход сочинения и должны были усиливать произведенный ими разрушительный эффект в стане врага. Архивный элемент источниковой базы данной работы представлен перепиской Флация Иллирика с единомышленниками, спонсорами, членами авторского коллектива, представителями властей, агентами и другими персонажами. Некоторая часть источников данной работы не была опубликована. С неопубликованными источниками удалось поработать в Библиотеке герцога Августа в г. Вольфенбюттель (ФРГ). Там же были обнаружены и черновики томов «Центурий», так и не вышедших в печати. Эти черновики обычно остаются в тени посвященной этой книге исследований; тем интереснее было с ними работать.

Библиотека герцога Августа (*Herzog August Bibliothek*) представляет собой уникальное явление как средоточие опубликованных и рукописных источников по церковной историографии, как и по множеству других дисциплин от истории музыки до картографии раннего Нового времени. 5 апреля 1572 г. герцог Юлий Брауншвейг-Люнебургский издал указ (т.н. *Liberey-Ordnung*) об организации из своего личного собрания книг официальной библиотеки. Этот акт поставил точку в долгой истории, которая началась еще в 1550 г. 22-летний Юлий (третий сын правящего герцога Генриха Младшего) уже начал церковную карьеру и служил каноником в Кельне. Его высокое происхождение многое ему позволяло, и в поисках новых книг он отправился во Францию. Некоторые приобретенные им там издания заложили основу великолепной библиотеки, являющейся сегодня одной из крупнейших в мире по XVI и XVII в. Несмотря на удаленность от мирских забот (он был младшим сыном в аристократическом семействе), молодой человек интересовался историями старинных рыцарей и античных героев — это следует из перечня сохранившихся до сих пор парижских покупок. В 1553 г. два старших брата Юлия погибли в сражении при Зиверсхаузене, и Юлию пришлось неожиданно перейти с религиозной на светскую политическую стезю. Юлий склонялся к лютеранству, в то время как его отец был одним из лидеров противоположного лагеря в политической верхушке Германии. Последовавшее примирение отца с сыном было отмечено в 1567 г. приобретением крупной частной библиотеки нюрнбергского синдика и некоторых других. С этого момента можно сказать, что собирание книг стало целенаправленным занятием наследника престола. В 1568 г. Юлий занял престол герцогства;

одним из первых указов он ввел на своей территории Реформацию. Секуляризация монастырей способствовала резкому росту книжной коллекции герцога; монастырские книги (а среди них — подлинные сокровища) свозились в столицу со всех окраин. По указу 1572 г. был учрежден штат библиотеки, началась работа по систематизации книг и составлению каталогов. Доступ в библиотеку был возможен только по личному разрешению герцога; регламентировалось не только поведение пользователей, но даже «дресс-код».

Сын и наследник Юлия герцог Генрих Юлий выкупил не только все книги, оставшиеся во владении вдовы Флация, но и манускрипты, письма, разные бумаги, даже счета и обрывки черновиков — весь архив, впоследствии каталогизированный и собранный в отдельные дела. Большая часть писем из этого архива, касающихся «Центурий», попала в упомянутую выше Интернет-публикацию Х. Болбука; в этих папках имеется и обширный материал, никогда ранее не исследовавшийся историками.

400-летняя история библиотеки изобиловала периодами расцвета и кризиса. Один из взлетов пришелся на время правления герцога Августа Младшего (1635–1666). Герцог не только собрал колоссальную коллекцию, к концу его правления насчитывавшую 135 000 названий (эта библиотека была одной из крупнейших в мире и значительно превосходила все частные и большинство монарших собраний). Он также занимался каталогизацией книг и даже изобрел особый поворотный механизм на шестеренках, позволявший перемещать столы с раскрытыми на них каталожными книгами для удобства библиотекаря! В 1691–1716 гг. библиотекой руководил Г.В. Лейбниц, а в 1770–1781 гг. — Г.Э. Лессинг. Худшим моментом в жизни этой библиотеки была эпоха французского господства — французские ученые отобрали три с половиной сотни наиболее ценных инкунабул, рукописей и первоизданий; не все они были возвращены в 1815 г. Библиотеке несказанно повезло в годы Второй мировой войны — на деревянное здание в центре города не упало ни одной бомбы! Сегодня эта библиотека является не только богатейшим книжным собранием, но и крупным исследовательским центром, предоставляет превосходные условия для работы и для общения историков, литературоведов, музейных работников, музыковедов, проводит многочисленные конференции и выставки, а также концерты и другие мероприятия. Работа в этой библиотеке позволила не только значительно расширить источниковую базу (в отношении как изданных книг, так и рукописей), но и установить контакты с коллегами, изучающими церковную историографию XVI в.

Может сложиться впечатление, что источниковая база данной работы представляет итало-германский ареал. Действительно, ряд крупнейших историков Церкви являются выходцами из итальянских или германских государств. Так сложилось, что католическая сторона в межконфессиональной полемике была по большей части представ-

лена итальянцами, а протестантская — немцами. В частности, почти полностью немецким был авторский коллектив «Магдебургских центурий». Нам все же представляется, что вопрос национальности не имеет большого значения. В частности, в нашей работе встречаются такие элементы германского мира XVI в., как Страсбург, Прибалтика, западнославянские земли. Биография Флация Иллирика служит примером того, как человек из-за своих религиозных убеждений переходил из итальянской культурной среды в немецкую; такой пример не был единичным. Как бы то ни было, в работе представлены и труды французских, испанских и голландских писателей, участвовавших в общей для всех европейских церковных историков межконфессиональной полемике.

Я уже упомянул о том, что сюжет работы начинается с пробуждения интереса к церковной истории в результате проповеди Мартина Лютера и последовавших событий в религии и политике. Ясно поэтому, что первые годы столетия несколько выпали из композиции, поскольку сочинения по церковной истории 1500–1525 гг. не отличались массовостью, не содержали в подавляющем большинстве цельных концепций и были повторением давно устоявшихся точек зрения и католической церковной доктрины. Церковно-исторические истоки взглядов М. Лютера и его современников — это сюжет специальных исследований; эту работу, видимо, ведут сейчас ведущие ученые Германии и США (в частности, группа Т. Кауфманна в Геттингене, С. Хендрикс и другие представители школы Х. Обермана в Аризоне и других университетских центрах США). Нас интересовал прогресс в историографии, простимулированный идеологическими, политическими и конфессиональными сдвигами, а не «зарождение идей».

Конец XVI столетия ознаменовался значительными достижениями католической партии. Величайшим из них (как по объему, так и по произведенному эффекту) стали «Церковные анналы» кардинала Цезаря Барония, вышедшие с 1588 по 1607 г. Хронологически они принадлежат как XVI, так и XVII столетию; тематически, бесспорно, они стали точкой отсчета для нового витка эволюции истории как науки, объектом сравнения для всех последующих крупных работ от болландистских «Деяний святых» до шедевров бенедиктинской историографии. «Церковные анналы» лишь в некоторой степени были «ответом» на «Магдебургские центурии»; отчасти этот ответ уже был дан в лучших работах историков-католиков предшествующего периода. «Анналы» были построены не на «противоположных» ответах на поставленные центуриаторами вопросы, а на самостоятельной, масштабной реконструкции, на ином экспозиционном и композиционном принципе, на ином методе. Наконец, Бароний всячески избегал «программного» противопоставления своей книги книге Флация и его товарищей, предлагая внешне абсолютно не зависимую от политических страстей картину. Все эти соображе-

ния уполномочивают нас, тщательно изучив католический «ответ» до «Церковных анналов», ограничиться довольно серьезным, но несколько менее детальным анализом сочинения Барония по сравнению с анализом «Центурий».

В ходе работы неожиданно «нашелся» ответ на вопрос, интересовавший автора еще со студенческих времен. Университетский курс историографии нового времени «отталкивается» от Возрождения; в трудах крупнейших представителей исторической мысли Ренессанса принято видеть ростки некоторых идей, расцветших буйным цветом в историографии XVIII в. Безусловно, Просвещение унаследовало из Возрождения целый ряд тем, исследовательских и стилистических приемов, однако прямую преемственность ощутить невозможно. В научной литературе широко обсуждается сложившаяся в Италии XV–XVI вв. традиция специального литературно-философского жанра — трактатов «о том, как следует писать историю»¹⁸. «Искусство истории» было объектом рассуждений не только выдающихся представителей ренессансной историографии Н. Макиавелли и Ф. Гвиччардини, но и менее известных авторов — Аламанти, Аммирато, Нарди и других. Среди трактатов XVI в. лучше других в исторической литературе описаны произведения Ф. Робортелло, А. Маскарди, Ф. Патрици и некоторых других итальянских гуманистов. Обращает на себя внимание, что большинство авторов отдельных трактатов не были практикующими историками (за исключением Л. Валлы), даже не пытались применять формулируемые ими нормы и принципы исторического сочинения на практике. В тексте нашей книги мы встретимся с одним таким «трактатом», написанным для того, чтобы специальные люди могли оценить осведомленность его автора в латинской риторике.

Мы с самого начала должны определить отношение между церковно-исторической мыслью и трактатами XVI в. Очевидно, что в отсутствие практических попыток применить сформулированные в трактатах тезисы они так и остались риторическим упражнением из уходящей эпохи, далеким от осознания по-настоящему актуальных для общественной дискуссии проблем. Эти авторы совершенно не интересовались собственно исторической мыслью, контакт с нею установлен не был: даже в творчестве уже упомянутого Л. Валлы разрыв между практикой историка и фантазиями теоретика очевиден. Новый локальный метод, о котором будет рассказано в книге далее, оказался выходом из замкнутого круга отсутствующей связи теории с практикой. Этот метод позволил прекратить думать о том,

¹⁸ Среди исследований этих трактатов лучшие: *Kessler E. Theoretiker humanistischer Geschichtsschreibung*. München, 1971; *Bertelli S. Ribelli, libertini e ortodossi nella storiografia barocca*. Firenze, 1973; *Cotroneo G. I trattatisti dell' ars historica*. Napoli, 1971; *Bellini E. Agostino Mascardi tra ars poetica e ars historica*. Milano, 2002. См. также: *Бобкова М.С. Historia Pragmata. Формирование исторического сознания новоевропейского общества*. М., 2010.

насколько полезна история, и завести речь о том, что конкретно она может дать обществу и распространенным в нем знаниям¹⁹.

Что стало «проводником» идей Возрождения в промежуточную эпоху, эпоху расцвета политической и эрудитской историографии XVII в.? В поисках «потерянного звена» непрерывной цепи историографической преемственности автор настоящей книги набрел — почти случайно — на конфессиональную историографию XVI–начала XVII вв., буквально вскормившую своими трудами великих эрудитов последующего этапа. В этой связи хотелось бы надеяться, что после прочтения этой книги читатель убедится в том, что Эрудитская историческая мысль иезуитов, Мабильона, Монфокона и столпов протестантской историографии от Арнольда до Мосхайма представляет собой естественное развитие тезисов, выковавшихся в историко-конфессиональных спорах XVI в. Если представить развитие историографии в виде спирали, то будет заметно, что виток XVIII в. проходит на значительно большей профессиональной высоте по сравнению с Ренессансом. Обрато «облегчив» свой дискурс с перегруженной информацией «эрудитской» историографии до приемлемой легкости восприятия, великие историки Просвещения будто знали что-то, что остается неизвестным их читателям из нашего времени. Это «что-то», по нашему глубокому убеждению, — это труды церковных историков, в которых достижения ренессансной мысли прошли (или не прошли) суровую проверку глобальными концепциями и объемными историческими моделями. Классические советские учебники по историографии Средних веков или Нового и новейшего времени не давали отчетливого понимания того, что обеспечило такое «знание» людям XVIII в.: описание в них эрудитской исторической мысли повисало в воздухе и даже несколько терялось на фоне быстрого развития политически ангажированной исторической мысли, связанной с прошлым правящих династий или с новыми ценностями Просвещения.

Важнейшую роль в развитии историографии сыграло изобретение и распространение книгопечатания. Оно породило и явление, ранее не существовавшее — массовую, как бы мы сегодня сказали, «коммерческую» литературу об истории и о религии. Распространение этой лите-

¹⁹ Меня не раз критиковали за то, что для описания этого метода я использую давно устоявшееся в мировой исторической науке словосочетание «локальный метод» (*Lokalmethode, local method*) и вообще слово «локус» и не пользуюсь для определения получившим определенное распространение в работах М.М. Бахтина и других коллег греческим аналогом «топос». В рамках настоящей работы слово «топос» используется для описания распространенного или банального тезиса («общего места» в разговорном понимании), а как единица гуманитарной информации предпочтен «локус». Помимо прочего, аргументом в нашу пользу является распространение в исследуемой исторической литературе только латинской версии, получившей повсеместное распространение в западной исторической мысли после появления знаменитого богословского сочинения Ф. Меланхтона *Loci communes rerum theologicarum* (1521).

ратуры значительно превосходило территорию распространения «передовых» идей. Появление новой «научно-популярной» литературы заставляет нас обратить внимание на формирование книжного рынка, бывшего четким отражением «рынка идей». При этом литература «фона» находится в тесной связи с условно «передовыми» сочинениями и позволяет нам четче разглядеть некоторые новые тенденции.

Последний из предварительных вопросов должен звучать примерно так: насколько «церковна» церковная историография? Деление исторической материи на «церковную» и «светскую» хотя и имеет давнюю традицию, но не является чем-то неподвижным. Мы еще не раз убедимся на страницах данной книги, что представления о «церковной истории» были в XVI в. весьма своеобразными. Едва ли не любое сведение из прошлого могло оказаться в той или иной «церковной истории», если оно было использовано для демонстрации вмешательства Господа в земные дела. Однозначно «церковной» оставалась концепция, смысловой стержень сочинения, прослеживающий преемственность Церкви (или ее нарушение) на протяжении столетий. Действия клириков, правителей, других участников исторического процесса оценивались по их результатам, знамениям, разнообразным другим явлениям повседневной жизни, в которой Церковь присутствовала далеко не всегда. Таким образом, данная книга будет связана «церковной» тематикой лишь весьма условно.

Представляемая вниманию читателя книга является результатом полутора десятилетий изысканий, на протяжении которых автор пользовался помощью и поддержкой многих коллег и институтов. Главным из последних является МГУ имени М.В. Ломоносова, в котором мне выпало счастье работать в весьма дружелюбной и высокопрофессиональной атмосфере. Поддержка моих университетских боссов Д.А. Шевляковой и Л.С. Белоусова была *conditio sine qua non* появления данной работы в печати. Тесное общение с Т. Буэно пришлось главным образом на первые годы разработки этой темы, когда очень важной оказалась поддержка А.В. Ващенко, И.В. и А.В. Павловских. Особую роль в становлении научного интереса и придании конкретного облика исследовательским намерениям сыграло общение с О.Ф. Кудрявцевым. На более позднем этапе работы мне выпал шанс воспользоваться ценными советами и рекомендациями коллег по Московскому Университету В.В. Симонова, О.В. Дмитриевой, Д.Ю. Бовыкина, Л.А. Пименовой, В.М. Володарского, Л.М. Брагиной. Во время работы в книжных собраниях Санкт-Петербурга (РНБ и БАН) неоценимой была поддержка Г.А. Фафурина и В. Штенцова. Добрым словом хочется помянуть и моих оппонентов М.С. Бобкову, Н.И. Девятайкину и А.Ю. Прокопьева, давших в феврале 2016 г. положительный отзыв о диссертации, а также коллег из РГГУ Н.В. Шабурова и Е.В. Шаповалову. Особая благодарность — научному редактору книги А.К. Гладкову.

Первое знакомство с европейской литературой об историографии XVI в. произошло во время стажировок в библиотеках Флоренции и

Рима, главным образом — в Центральной национальной библиотеке Флоренции. Беседы с профессором Флорентийского университета Дж. Николетти позволили точнее определить тему работы и проблематику. Сами стажировки оказались возможными благодаря наличию специальных программ сотрудничества с Болонским университетом (Италия), в которые я был допущен. Поддержка Германского исторического института в Москве в лице А.В. Доронина и директора Н. Катцера, а особенно предоставленная стипендия позволили расширить круг научного общения в Москве, обеспечили первые контакты в научном мире Германии. Благодаря поддержке Института удалось организовать стажировки в замечательной Библиотеке герцога Августа в Вольфенбюттеле, сохранившей уникальные сокровища; среди них — почти все крупные произведения церковной историографии XVI в. и обширный рукописный фонд. Сотрудники Библиотеки Дж. Беплер, Ф. Бауер, Г. Штраус оказали неоценимую помощь в работе с фондами и подготовке различных материалов к печати. Специальные меры, предпринимаемые библиотекой для интенсификации общения между ее гостями из разных стран, дали свои плоды: наиболее плодотворным стало общение с Х. Зибенпфайффер (сегодня работающей в берлинском Университете им. бр. Гумбольдтов) и старшим коллегой С. Хендриксом (США).

Наиболее полезными с содержательной стороны стали беседы с Х. Болбуком, ведшиеся везде, где представлялась возможность, в разных странах и даже на разных континентах. В бытность свою сотрудником Вольфенбюттельской библиотеки д-р Болбук предоставил в мое распоряжение некоторые уникальные (т.е. буквально сохранившиеся в единственном экземпляре) книги и диссертации, что стало превосходным примером корпоративной солидарности, тем более что мой немецкий коллега завершал собственную монографию о Флации. Впрочем, его книга вышла раньше, и данный факт я попытаюсь обратить к собственной пользе. Руководители международной научной платформы *Refo500* Х. Зелдерхейс (Апелдорн, Нидерланды) и К. Апперло предоставили ценную возможность «обкатать» некоторые особенно актуальные положения данной работы на международной арене. То же можно сказать и о руководителях организации *SCSC (Sixteenth Century Society and Conference, США)*, многочисленных слушателях и собеседниках на заседаниях проводимых *SCSC* конференций.

Наконец, непреходящую признательность я хочу выразить своему научному руководителю и многолетнему собеседнику В.С. Бондарчуку. К сожалению, ему не пришлось увидеть этот труд завершенным. Тем не менее, личный пример учителя, живое воспоминание о высокой профессиональной требовательности Валериана Семеновича вдохновляли меня до самого окончания работы.

Всех упомянутых коллег я от всего сердца благодарю за помощь и поддержку, советы и готовность обсуждать дорогие мне сюжеты.